

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О, если бѣ безъ слова
Сказаться душой было можно.
(Фетъ.)

Мысль изреченная есть ложь.
(Тютчевъ.)

Наслажденіе произведеніемъ искусства состоитъ въ общеніи съ душой художника и вызывается примиреніемъ въ ней такихъ идей, которыя обыкновенно чужды другъ другу. Сущность въ произведеніи искусства — это личность художника; краски, звуки, слова — матеріаль; сюжетъ и «идея» (т.-е. обусловленное единство) — форма; конечно и форма можетъ имѣть значеніе въ томъ отношеніи, что одна полнѣе выразить личность художника, другая менѣе полно, но только въ этомъ. Мы наслаждаемся поэмами Тассо, хотя содержаніе ихъ для насъ неинтересно, а идеи — чужды. Эволюція новой поэзіи есть постепенное освобожденіе субъективизма, при чемъ романтизмъ занимаетъ мѣсто классицизма и самъ уступаетъ символизму.)

Chefs d'oeuvre послѣдняя книга моей юности; названіе ея имѣетъ свою исторію, но никогда оно не означало «шедевры моей по-

эзіи», потому что въ будущемъ я напишу
гораздо болѣе значительныя вещи (въ 21 годъ
позволительно давать обѣщанія!). < Печата
свою книгу въ наши дни, я не жду ей пра-
вильной оцѣнки ни отъ критики ни отъ пуб-
лики. Не современникамъ и даже не человѣ-
честву завѣщаю я эту книгу, а вѣчности и
искусству. >

Валерій Брюсовъ.

Мартъ 1895 г.
Москва.

О С Е Н Н І Й Д Е Н Ъ .

Посв. Манѣ.

ы помнишь ли больной осенній день,
Случайное свободное свиданье,
Расцвѣтъ любви въ періодъ увяданья,
Лучи, когда вокругъ ложится тѣнь?

Насъ мучила столицы суматоха,
Хотѣлось прочь отъ улицъ и домовъ, —
Куда-нибудь въ безмолвіе лѣсовъ,
Къ молчанію невнемлющаго моха.

Нѣтъ, ни любовь, ни осень не могли
Затмить въ сердцахъ созвучное стремленье!
Нѣтъ никогда не разорвутся звенья
Междѹ душой и прелестью земли!

2.

 Ты помнишь ли мученія вокзала,
Весь этотъ міръ и прозы и минутъ,
И наконецъ привѣтливый пріютъ,
Неясныхъ грезъ манящее начало.

Ты помнишь ли — я бросился у ногъ,
Я головой склонился на колѣни,
Я видѣлъ сонъ мерцающихъ видѣній,
Я оскорбить молчаніе не могъ.

Боялись мы отдаться поцѣлуямъ,
Мы словно шли по облачной тропѣ,
И этотъ часъ въ застѣнчивомъ купѣ
Для полноты былъ въ жизни неминуемъ.

3.

Не знаю я — случайно или нѣтъ
Быль избранъ путь, моей душѣ зна-
комый...

Какою вдругъ мучительной истомой
Повѣялъ мнѣ былого первый слѣдъ.

Выходимъ мы: завѣтная картина!
И озеро, и пожелтѣвшій садъ,
И дачъ пустыхъ осиротѣлый рядъ,
И все кругомъ... О Нина! Нина! Нина!

Да, это здѣсь росла моя любовь,
Межъ тополей, подъ кудрями березы,
У этихъ мѣстъ уже бродили грезы...
Я снова здѣсь и здѣсь люблю я вновь.

4.

Вошли мы въ лѣсъ, ища уединенья.
Сухой листвы раскинулся коверъ —
И я поймалъ твой мимолетный взоръ:
Онъ былъ въ тотъ мигъ улыбкой восхищенья.

Рука съ рукой въ лѣсу бродили мы,
Встрѣчая грязь, переходя канавы,
Ломали сучья, мяли сушь и травы,
Смѣялися надъ призракомъ зимы.

И подойдя къ исписанной скамейкѣ,
Мы сѣли тамъ и любовались всѣмъ,
Какъ хорошо, тепло, какъ воздухъ нѣмъ,
И какъ бѣгутъ заоблачныя змѣйки.

